

УДК 94(470) «16/18»

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОВ В ФЕОДАЛЬНОМ ДАГЕСТАНЕ

Е.И. Иноземцева
Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

inozemceva47@mail.ru

Аннотация: Опираясь на сведения архивных документов и достижения отечественного кавказоведения, автор делает попытку в рамках научной статьи осветить ряд форм бесправного состояния, морального унижения и материального притеснения, характеризующих социально-правовое положение рабов, показать место и значение института рабства в экономической жизни феодального Дагестана.

Annotation: Being guided by data of archival documents and achievements of domestic Caucasus studying, the author makes an attempt within scientific article to show a number of forms of deprived of civil rights condition, moral humiliation and material oppression, characterizing a social legal status of slaves, to show a place and value of slavery institute in economic life of feudal Dagestan.

Ключевые слова: Северо-Восточный Кавказ, Дагестан, Институт рабства, раб, рабовладение, лаг, кул, караваш, казак, ясырь, райят живой товар, торговля невольниками, адат.

Key words: North-East Caucasus, Daghestan, slavery institute, slave, slave-owning, lag, kul, karavash, kazak, yasyr, rayat, living goods, slave trading, adat.

Рабство, будучи самой откровенной и неприкрытой формой эксплуатации человека человеком, в течение тысячелетий прослеживается в истории практически почти всех обществ, сопровождая все три великие эпохи цивилизации – Древность, Средние века и Новое время. В ряде стран Востока рабство как пережиток, благополучно просуществовало вплоть до XX в. Рабство существовало тысячелетия, а как социальное явление, – изучено пока недостаточно.

Проблема рабства в феодальных владениях Северо-Восточного Кавказа, Дагестана, в частности, рассматривалась в трудах северокавказских и дагестанских ученых в связи с разработкой общих вопросов социально-экономической и политической истории региона. По проблеме имеются отдельные статьи и разделы в монографиях и квалификационных трудах, посвященных истории различных регионов и этносов Северо-Восточного Кавказа, хронологически относящихся к позднесредневековой эпохе (Иноземцева Е.И., 2011. С.584–586).

Автор исходил из достижений таких известных дагестановедов, как Х.-М.О. Хашаев, Р.М. Магомедов, Г.Д. Даниялов, С.Ш. Гаджиева, В.Г. Гаджиев, А.Р. Шихсаидов, Х.Х. Рамазанов, Б.Г. Алиев, М.-С.К. Умаханов, Н.А. Магомедов и др., широко применяя аналогии, используя соответствующий материал не только по сопредельным народам Северо-Восточного Кавказа, но и Русского государства, а также стран Востока.

Наличие рабов на Северо-Восточном Кавказе вплоть до середины XIX в. фиксируется архивными документами, опубликованными в различных дореволюционных изданиях, а также в публикациях документов, осуществленных советскими историками. О бесспорности факта существования в регионе института рабства свидетельствует и наличие в языках всех местных народов социального термина, несущего содержание понятия «раб», это: *лаг, лай, лукI, кул, караваш, казак*, а также *ясырь*. Однако, хотя эта категория населения и именовалась рабами, по своему общественному положению отличалась от рабов в обычном классическом понимании этого слова.

Само по себе рабство во все времена и у всех народов было величайшим несчастьем, а раб не считался полноценным человеком. Юридически рабы представляли собой самую бесправную, зависимую группу общества. Состояние неволи лишало раба значения юридического лица,

приравнивая его к вещи, скоту. Что же касается рабов в феодальном Дагестане, то их правовой статус, как и статус различных категорий населения, относящихся к числу лично-несвободных, был определен обычным правом – адатом.

По мнению большинства историков-дагестановедов социально-правовое положение рабов в Дагестане было исключительно тяжелым. Раб был для владельца всего лишь материальной ценностью, живым товаром, говорящим инструментом, с которым хозяин был вправе поступить как ему угодно. Труд раба не регламентировался: он был обязан исполнять все, что он него потребует хозяин, получая за это лишь скудное пропитание и одежду, необходимые для физического существования (*Османов Г.Г.*, 1960. С. 151–154; *Гаджиева С.Ш.*, 2000. С. 200–203; *Акбиев А.*, 2000. С. 115). Бесправное и приниженное общественное положение рабов в Дагестане нашло отражение в адатно-правовых нормах. Рабы, согласно адатам горцев, были лишены каких-либо политических прав, не допускались к разбирательству дел в качестве свидетелей или к участию в сходах джамаата (*Леонтович Ф.И.*, 1883). К присяге по «Кодексу» аварского Умму-хана лаг (раб. – Авт.) не допускался, даже если он был вольноотпущенным (Кодекс законов Умму-хана..., 1965. С.268), т.е. здесь проявилось юридическое обезличивание раба. Таким образом, лаги рассматривались юридически недееспособными: на основе свидетельства лага суд не принимал никаких серьезных решений, так как это свидетельство не могло быть подтверждено клятвой (*Агларов М.А.*, 1988. С. 141).

Рабы и рабыни считались «принадлежностью владельцев своих как всякое домашнее животное» (ЦГА РД. Ф. 120. Оп. 2. Д. 71а. Л. 1), с которым хозяин вправе поступить как он хочет. Убийство раба или нанесение ему увечья третьим лицом феодальный обычай рассматривал как материальный ущерб, нанесенный владельцу, и требовал компенсации. С другой стороны, согласно нормам обычного права, например, с. Ингердах, «если раб убьет свободного и если он живет со своим господином и участвует с ним в военных действиях и т.п., то за убийство отвечает господин, все имение его разоряется, поля остаются необработанными, сенокосы и луга также, они обращаются в общественные земли» (Из истории права..., 1968. С. 26–27).

В опубликованных Х.-М. Хашаевым адатах шамальства Тарковского и ханства Мехтулинского значится, что за убийство свободного рабом родственники помещика обязаны уплатить наследникам убитого пеню, а сам владелец убийцы удаляется из селения под именем кровного врага и считается таковым до тех пор, пока наследники убитого не простят его, если же кто-либо из последних убьет его, кровь считается возмездием за кровь убитого их родственника. Что же касается самого убийцы (раба. – Авт.), то он не подвергается никаким наказаниям ни со стороны наследников убитого, ни со стороны общества и спокойно живет в доме своего хозяина (Памятники обычного права..., 1965. С. 192).

По даргинским адатам, «если владелец убийцы не согласится быть канлы (кровником. – Авт.) родственников убитого, то должен освободить кула (раба. – Авт.) и тогда кул, сделавшись свободным, признается сам канлы». Если же хозяин раба оспаривал убийство его рабом свободного человека, то он в доказательство невиновности раба приносил присягу с тремя присягателями (Адаты даргинских обществ, 1873. С. 15–16).

Согласно адатам Кайтага, «за убийство... кула убийца не наказывался, ибо за собственность свою бек никому ответственность не мог» (Сборник адатов Кайтага..., 1965. С.151). Т.е. в делах кровомщения раб не являлся субъектом права, а рассматривался как объект собственности и за проступки раба отвечал не сам раб, а его хозяин. Об этом же свидетельствуют адаты и других народов Дагестана, показывающие, что за поступки раба отвечал не он сам, а его хозяин. Даже при воровстве рабом чего-либо обвинялся не он, а его подстрекатель (Сборник адатов селений Аварского округа, 1965. С. 27).

Сравним вышеприведенное нами положение адата с. Ингердах, по которому, «если раб убьет свободного и если этот живет со своим господином и участвует с ним в войне и т.п., то за убийство отвечает господин, все имение его разоряется, поля остаются необработанными, сенокосы и луга также, они обращаются в общественные земли» (Из истории права..., 1968. С. 26–27), с другим положением, которое формулирует требование общества наказания за убийство свободного свободным: «За те же деяния все имение его (убийцы. – Авт.) разоряется, поля оставляются необработанными, сенокосы и луга также, они обращаются в общественные земли до тех пор, пока родственники убитого простят убийцу или убьют его. Если убийца живет еще в доме родителей, то делается то же самое с именем, без малейшего исключения, если же убийца живет отдельно от родителей, то имение их не подвергается никакому вреду» (Из истории права..., 1968. С. 26). В данном случае не наблюдается разницы в применении наказания в отношении узденя

(лично свободный. – Авт.) и раба. Кроме того, что за преступление, совершенное рабом, ответственность несет его хозяин, а сам раб остается без наказания.

В другом случае, если раб-убийца живет отдельно от своего господина и если не убежит, то господин платит родственникам убитого только пеню на убийство, имение же его не подвергается вреду, если раб и убежит, то то же самое платит господин (Из истории права., 1968. С. 27). Как сказано в Кодексе законов аварского Умму-хана, если «узень убьет раба, то с него взыскивается дият (плата за кровь, или возмещение, вносимое убийцей за убитого. – Авт.) в пользу владельца раба» (Кодекс законов Умму-хана., 1965. С. 268).

В этом положении адата, по мнению профессора М.А. Агларова, отразилось не только юридическое обезличивание, но и отсутствие прав лага на имущество и, возможно, на семью. Между тем, – замечает М.А. Агларов, – несмотря на закон, не все уздени прощали убийство их лага. Ущерб считался не только материальным, но и моральным (Агларов М.А., 1988. С. 141–142).

Считается, что рабы не имели никакой собственности, за ними не признавалось никаких имущественных прав, у них не было собственного жилища, они не имели права жениться, т.е. лишались личных прав. Это утверждение, кочующее в дагестанской историографии из одной работы в другую, как увидим ниже, не всегда соответствовало действительности. На различных этапах истории положение рабов в Дагестане подвергалось различным изменениям и, в зависимости от географии бытования института рабства в регионе, имело различные специфические черты. Судя по официальным данным, в частности, по «Докладной записке начальника Дагестанской области Главнокомандующему Кавказской армией князю Барятинскому от 30 марта 1861 г.», класс рабов «образовался большею частью из пленных христиан, захваченных в хищнических набегах и находится в самом унижительном состоянии, какое только можно создать для человека. Рабы и рабыни считаются принадлежностью владельцев своих как и всякое другое домашнее животное, с которым хозяин вправе поступить как он хочет. Их личность ограждается одним только интересом владельцев и они берегут невольников своих... потому, что, лишившись раба, понесут материальный ущерб...» (ЦГА РД. Ф. 120. Оп. 2. Д. 71а. Л. 1).

Н. Дубровин писал, что «кул или раб – совершенно во власти своего господина, который имеет полную волю казнить его, продать с семьей или отдельно, разлучить мужа с женою, мать от детей» (Дубровин Н., 1871. С. 625). На наш взгляд, в этом высказывании автор несколько преувеличивает действительное положение раба на мусульманском Кавказе. Это наше впечатление вытекает уже только из той же самой «Докладной записки», в которой говорится, что личность раба «ограждается... интересом владельцев», которые «берегут невольников своих», чтобы в их лице не понести «материальный ущерб». Этот же автор, по приведенным нами ниже данным, сам утверждал, что смертной казни раба за проступки там никто и не помнит (Дубровин Н., 1871. С. 623).

Даже брак со свободным не мог спасти детей невольницы от рабства. Свободными считались лишь дети, прижитые с представителями высшего сословия. Рабское состояние было наследственным. Потомок раба мог стать только рабом. Хозяева заботились о воспроизводстве рабов так же, как заботились о размножении скота. Впрочем, приравнивание положения рабов, в особенности, рабынь, к положению скота – характерная черта рабовладения и его оформления в праве не только в странах средневекового Востока. В Киевской Руси ребенок от рабыни приравнивался к приплоду от скота: челядь тем только и отличалась от скота, что могла лишь говорить (Фроянов И.Я., 1965. С. 91). Почти во всех спорных случаях «приплод» считался собственностью хозяина рабыни. Дети от смешанных браков чаще всего также рассматривались как «приплод».

Для сравнения: на Ближнем Востоке дети от брака раба со свободной рассматривались как рабы. А женщина, вышедшая замуж за раба, сама становилась рабыней, если не внимала троекратным предостережениям хозяина этого раба (См.: Рабство в странах Востока., 1986. С. 7).

А.С. Акбиев, поддерживая выводы С.Ш. Гаджиевой, пишет, что, согласно документам, рабы и рабыни (кулы и каравашы) – это дворовые люди, невольники, не имеющие никаких прав в отношении к своим владельцам (Акбиев А., 2000. С. 115). Владелец их одевал и кормил или отдавал в их распоряжение на каждое хозяйство по паре быков с арбою, позволяя им по окончании господских работ промышлять на себя, в таком случае господин не одевал, а только кормил. Кумыкские кулы были «не обременены излишними работами, как можно было это предположить, но вместе со своими господами составляли одно семейство, работают для них как на себя. За это владельцы обращаются с ними довольно ласково, извиняют их недостатки и редко прибегают к

строгим наказаниям», – писал в газете Кавказ автор под псевдонимом «Кумык» (Кавказ. 1848; *Шихалиев Д.-М.*, 1993. С. 66).

То же самое отмечал и Н.Д. Дубровин. По его сведениям относительно кулов, их положение у кумыков было менее тягостно, чем у русских, что легко объясняется «характером и нравом народа». Он свидетельствовал, что в кумыке не было нестерпимого презрения к себе подобному, и поэтому владелец «не отчуждал своего раба от человечества вообще, обходился с ним ласково и снисходительно. Телесные наказания были редки и не жестоки, а смертной казни никто и не помнит» (*Дубровин Н.*, 1871. С. 623).

Для сравнения: на Ближнем Востоке рабы входили в обычные перечни собственности наряду со скотом, землей, движимым и недвижимым имуществом. В арабском языке торговец скотом и работоторговец назывались одинаково – наххас (Рабство в странах Востока., 1986. С. 10).

Рабы на Востоке в ряде правовых норм **приравнивались** (здесь и далее выделено нами. – Авт.) к младшим членам семьи хозяина, лишь приравнивались, **но не считались таковыми**, так как не привлекались к ответственности на основании принципа «общесемейной ответственности», а наоборот, как имущество преступника, они подлежали конфискации. Право средневековых стран Востока несомненно видело в рабе человеческое существо и тогда, когда не признавало за хозяином его прав над жизнью и смертью раба, т.е. не наделяло его правом уничтожения своей собственности по своему волеизъявлению и в своем интересе. Мусульманское право не только не признавало за хозяином права на жизнь раба, но и предусматривало обязанность хозяина не изнурять раба непосильной работой и хорошо кормить. «На обязанности хозяина лежит содержание его раба или рабыни, а если он отказывается, и у них есть возможность добывать пропитание, то должны зарабатывать и содержать себя сами, а если нет у них возможности добывать пропитание, то хозяина следует принудить продать их» (Цит. по: Рабство в странах Востока., 1986. С. 438). «Не мучайте тварей Аллаха, – писал Аби Хамид Мухаммад ал-Газали, – потому, что Аллах дал их вам в собственность, а если бы захотел, то отдал бы вас в их собственность» (Цит. по: Рабство в странах Востока., 1986. С. 438–439). В Коране забота о рабах приравнивается к заботе о других подопечных: «Родителям делайте добро и близким, и сиротам, и беднякам, и соседу-родственнику, и соседу-чужаку, и близкому другу, и путнику, и тем, кем владеют десницы ваши» (Цит. по: Рабство в странах Востока., 1986. С. 426).

В странах Ближнего Востока хозяин не мог убить раба. Но и раб не имел права поднять руку на хозяина. Наказанием за это всегда была смертная казнь. Строго карались они за любое покушение словом и делом на любого лично свободного. Везде на Ближнем Востоке рабы имели семьи и имущество. Общественной моралью не одобрялись те случаи, когда хозяин силой разлучал своих рабов – мужа и жену или родителей и детей. Так, рабы в Сирии могли владеть определенным имуществом и активно участвовать в деловой жизни общества; рабы могли получать свободное время для работы на себя (См.: Рабство в странах Востока., 1986. С. 12). Объективная действительность и практика эксплуатации раба рабовладельцем были таковыми, что хозяину раба часто было выгоднее и удобнее, когда раб имел свое имущество. Но признавать во всех случаях и безоговорочно собственность раба исключительно его собственностью вряд ли возможно. О собственности рабов, видимо, следует говорить как о разделенной собственности, полагают авторы монографии «Рабство в странах Востока в средние века» (Рабство в странах Востока, 1986. С. 11).

В Дагестане происходило то же самое. Во многих обществах труд лагов эксплуатировался на дальних хуторах, которые иногда превращались в самостоятельные отселки лагского типа (*Асиятилов С.Х.*, 1967. С. 95), но без права собственности на окрестную территорию. По данным М.А. Агларова в отдельных обществах (Карата и др.) лагов лишали права участия в доле на дальних покосах, т.е. они не рассматривались как совладельцы собственных земель, хотя они и имели право выпасать свой скот на общественных пастбищах (См.: *Агларов М.А.*, 1988. С. 142).

Полевые исследования показали, что в обществах Западного Дагестана военнопленный до определенного времени (в каждом обществе по-разному) жил у хозяина. Он считался членом семьи. Лаг выполнял различные подсобные работы по указанию хозяина. Д.М. Магомедов считает, что поскольку лаг считался членом семьи, производство и потребление были совместными, то надо полагать, что он (лаг) фактически выступает как собственник наравне с членами семьи, хотя юридически эти права не были закреплены за ним. Он, как и любой член семьи, был заинтересован в поднятии экономики хозяйства. Зависимость его выражалась в том, что он выполнял волю своего хозяина. Информаторы сообщают, что лаг считался членом семьи; они совместно трудились и питались, а с течением времени лаг обзаводился семьей. Свадьбу

устраивал хозяин. Из пригодной джамаатской земли ему выдавали пахотный участок. Бывали случаи, когда наиболее зажиточные хозяева отдавали ему скот и даже землю. Как правило, лагов селили недалеко от основного поселения. Здесь им выделяли землю, они имели право разводить скот и т.д. В результате этого на территории Западного Дагестана возникали новые поселения зависимого сословия. В отдельных сельских обществах лаги жили компактно в одном из кварталов, обычно, на краю аула. В настоящее время почти во всех аулах сохранились названия тухумов (группа родственников, патронимия. – Авт.) зависимого происхождения (*Агларов М.А.*, 1988. С. 142).

Но потомки и таких освобожденных рабов не считались равными с остальной частью населения, на них еще долго оставалось клеймо происхождения. Слова М.Б. Лобанова-Ростовского о рабах кумыкских владений, что «рабское происхождение, пятно, не вдруг изглаживающееся...» (*Лобанов-Ростовский М.Б.*, 1846), в полной мере относятся к представителям этой категории зависимого населения всего Дагестана. Так, Н. Дубровин писал, что «в сел. Корода Гунибского округа, каждую пятницу после службы (в мечети. – Авт.) чауши (исполнители. – Авт.) обходят всех потомков рабов. Помни, говорят они при этом каждому, что ты приходишь не от узденя. Освобожденный раб и его потомство, как бы богаты ни были, не имели права резать более трех баранов в год на все семейство, чтобы в этом не сравниться с кровными узденями» (*Дубровин Н.*, 1871. С. 626).

В с. Чох потомки рабов до четвертого колена включительно обязаны были в год один раз угощать всех узденей, живущих на одной улице с ними, и через каждые десять лет при разделе общественных пашен давать с каждого семейства в пользу общества по одному медному котлу ценой 8–10 руб. Обычно один из этих котлов разбивали на мелкие куски, а остальные продавались и на вырученные деньги устраивалось угощение для членов сельского управления. В с. Мехельта освобожденные рабы и их потомки раз в год должны были на целую ночь уходить из дома. В их отсутствие приходили группы молодых узденей, которые съедали и выпивали все, что находилось в доме и во дворе (*Дубровин Н.*, 1871. С. 626; *Османов Г.Г.*, 1960. С. 30). В некоторых обществах потомки рабов ежедневно чистили источники воды и убирали улицы*[*Полевой материал 1983–1984 гг., собранный Б.Г. Алиевым].

Неравноправие рабов выражалось и в других формах. Даже после освобождения за бывших рабов и их потомков не выдавали замуж девушек из других сословий, они часто не допускались на джамаат, их не выбирали на административные должности, они не имели права находиться на годекане, когда там были уздени*[*Полевой материал 1983–1984 гг., собранный Б.Г. Алиевым]. В с. Муги во время молитвы в мечети потомки вольноотпущенников не имели права стоять впереди узденей, если даже они становились учеными-арабистами. А в Цудахарском обществе даже лошадь владельца лагского происхождения не приравнивалась к лошади свободного узденя. Хотя во время скачек она приходила первой, хозяину ее не давали ничего, в то время как победившая лошадь узденя украшалась дорогими тканями и коврами, а хозяин ее получал от джамаата (общины. – Авт.) определенный сенокосный участок из общинных земель (*Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С.*, 1970. С. 181). В с. Унчукатль во время праздников рабы должны были обслуживать пирующих узденей (*Магомедов Р.М.*, 1979. С. 139). По полевым исследованиям А.М. Агларова, в Гидатле не допускалась (осуждалась) продажа земли лицам лагского происхождения. Лаги не являлись полноправными членами общины и в юридическом смысле.

Анализ норм обычного права дагестанских народов показывает различное экономическое и правовое положение рабов в Дагестане. Рабы были подвижной прослойкой дагестанского феодального общества. Их продавали, они могли себя выкупить, их иногда отпускали во имя Аллаха. «На ранних порах появления рабства, – писал Ш.М. Ахмедов, – они адаптировались в коренной род, племя. А в позднее время они пополняли бесправный, зависимый слой дагестанского общества» (*Ахмедов Ш.М.*, С. 25).

Рабы могли жить в доме своего хозяина или жить отдельно. Совместное проживание отмечено в приведенных нами выше нормах аварских адатов, где говорится о рабе-убийце свободного, который живет со своим господином и участвует с ним в войне, а за его преступление отвечает господин. Раздельное – о рабе-убийце, живущем отдельно от своего господина, за преступление в этом случае господин платит родственникам убитого только пеню. Т.е. здесь мы наблюдаем положение как бы двух типов рабов: раб, лишенный всего, низведенный до положения бесправного члена семьи, и раб, имеющий свое подворье, возможно, и участок земли, т.е. это – член общины, хотя и находящийся в рабской зависимости. «Рабы в Лакии, – пишет А.Г. Булатова, – не были однородны, среди них различались ханские и узденские. Ханские лаги были

доверенными лицами, обязанность которых заключалась в усмирении непокорных...» (Булатова А.Г., 2000. С. 92), т.е. в исполнении полицейских функций, составляя, по всей видимости, ханский аппарат принуждения. В более стесненном положении находились лаги, принадлежавшие узденям. В с. Щара зафиксировано три рабских тухума: Чиргас лагъарт, Мугъалтар и Щанги лагъарт. Здесь наряду с лагами из числа пленных, захваченных во время набегов, фигурируют выходцы из аварского с. Щангада. В с. Убра рабскими считались тухумы, члены которых переселились сюда из Кая, Хойми и др. лакских сел (Булатова А.Г., 2000. С. 92). Рабов в союзах сельских общин было много, о чем свидетельствует образование из бывших рабов целых рабских по происхождению тухумов. Таковыми по опубликованным полевым данным были тухумы в л. Муги, в Цудахаре, в Акушинском обществе (Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С., 1970. С. 179–180).

По наблюдениям Д.М. Магомедова, держать лагов могли только экономически мощные хозяйства, т.е. феодализирующаяся общинная верхушка. Основная масса крестьянства, за неимением крупных земельных владений или большого числа поголовья скота, не пользовалась трудом лагов. Они сами были в состоянии обрабатывать свою землю и ухаживать за скотом. В данном случае труд лага считался нерентабельным. Крестьянские семьи свободно могли поднять свое хозяйство, не используя чужой труд. Это было связано с малоземельем в горах Дагестана. В силу этого, горцы Западного Дагестана старались не держать у себя пленных. Они их продавали или отпускали на волю. По сведениям Магомедова Д.М., горцы отпускали на волю пленных и без выкупа. Это свидетельствует о том, что на самом деле они оказывались лишним ртом в крестьянской семье, и так малообеспеченной в экономическом отношении. Конечно, были и другие причины освобождения невольников (Магомедов Д.М., 1996. Л. 55–60).

Вне всякого сомнения следует согласиться с выводом Т.В. Гаджиева о том, что в позднефеодальном Дагестане несмотря на преобладающую роль свободных общинников и их труда во всех отраслях хозяйства и ограниченном использовании рабов и их труда в сфере домашних услуг, само наличие рабства в обществе оказывало определенное воздействие на социальную психологию и правосознание всех его членов. Скудность земельных площадей, пригодных для сельскохозяйственного использования, неизбежно приводила к тому, что рабов, не проданных за пределы Дагестана или не выкупленных сородичами, приходилось освобождать за выкуп или даже без него. Потомки рабов, получивших таким образом волю, продолжали жить в тех же общинах, где когда-то осели их предки. Со временем они образовывали тухумы рабов, которые имелись чуть ли ни в каждом селении. И несмотря на формальную личную свободу лиц, принадлежащих к таким тухумам, они и их тухумы продолжали носить клеймо раба, что в глазах стороннего наблюдателя порой и создавало преувеличенное впечатление о количестве рабов и о их значении в Дагестане (См.: Гаджиев Т.В., 2001. С. 299–300). Так, кроме имущественного положения, в брачных делах серьезную роль играла и сословная принадлежность жениха: если его родители или один из его родителей даже в 7–10-ом поколении являлись рабами, то с ним не обручали свою дочь родители из свободных сословий.

Приведем современные данные, ярко иллюстрирующие это обстоятельство, которые приведены в монографии З.М. Гаджимурадовой, кандидата психологических наук, посвященной особенностям этнического самосознания современных дагестанцев: «По исторически сложившимся причинам «Лаги» и «Козаки», как их называют в народе, – бывшие пленники-рабы (русские, грузины, адыги и т.д.), постепенно ассимилировавшиеся с местным населением, но в общественном сознании сохранившие свой статус «рабов» или «ишаков» («гъама», авар.). Представители таких родов уже с подросткового возраста чувствуют свою ущемленность, неполноценность, психологическую нестабильность, так как о них говорят, что «он (она) из «плохого рода» (Гаджимурадова З.М., 2002. С. 85, 168). Так, житель аула Верхнее Инхо Гумбетовского р-на М.Г. (69 лет), член такого рода, по поводу своей сословной принадлежности с горечью говорил: «Я бы дал снять с себя три слоя кожи, лишь бы снять этой клеймо с себя и со своего рода» (Гаджимурадова З.М., 2002. С. 85, 168). «Я не смог жениться на девушке, которую люблю до сих пор, так как она из рода высокого, а я из «козаков»! Она для меня недосыгаема. И сейчас я чувствую себя ничтожным, хотя купил машину, дом в Махачкале, заработал кучу денег, открыл фирму. И детей моих ждет та же участь», – свидетельствовал уроженец Гумбетовского района М.М., 30 лет (г. Махачкала, 20 мая 2000 г.) (Гаджимурадова З.М., 2002. С.85, 168).

Житель аула М.М. из «узденского» рода (аул Чиркей Буйнакского р-на, 1991 г.) вступил в отношения с девушкой этого же аула А.П. «лагского происхождения». Представителей этого рода в народе называют «рабами» или «Хлама» (ишаками). Брат девушки, узнав об этом, стал

выслеживать М.М. Жители села уговаривали М.М. и его родителей узаконить их отношения, на что мать парня возмущалась: «Не хватало нам еще в доме двуногого ишака» (Цит.: *Гаджимурадова З.М.*, 2002. С. 169), – тем самым открыто оскорбив весь род этой девушки. Брат девушки выследил М.М. и застрелил его, добровольно сдавшись властям. Девушка А.П. тоже бесследно исчезла. Предполагается, что ее убили ее же братья за позор и бесчестие, которое она принесла семье и роду.

После этого аул разделился на две противоборствующие стороны, поджигая и взрывая дома друг друга. Джамааты близлежащих сел вмешались в это безумие, стараясь примирить стороны. Окончательное примирение не состоялось, между обоими родами продолжается стойкое противостояние, за которым стоит возможно акт новой кровной мести, который обязанностью ложится на плечи родных братьев и ближайших родственников по отцовской линии (записано в ауле Чиркей Буйнакского р-на, 25 июня 1995. Инф. Гаджиев Али, 40 лет) (*Гаджимурадова З.М.*, 2002. С. 169).

С другой стороны, существует немало примеров того, как наиболее предприимчивые из сословия лагов своим богатством в силу особых заслуг перед общиной, доблести или религиозности становились влиятельной силой в общине (См.: *Агларов М.А.*, 1988. С. 143).

Место, удельный вес, роль и значение рабского труда в экономической жизни феодального Дагестана определить сегодня достаточно сложно. Г.Д. Даниялов в своей крупной работе, посвященной классовой борьбе в Дагестане, приводя следующие данные о том, что «... в давние времена в Дагестане было 1416 аулов, местечек, хуторов или отселков, где ... было 12700 тухумов, из которых более 2570 считались в политическом и экономическом отношении неравноправными, подневольными, т.е. лагскими...», заключал, что «рабство в этом крае было развито очень сильно» (*Даниялов Г.Д.*, 1970. С. 5).

В исторических источниках мы находим свидетельства о том, что «число рабов еще в XVIII в. в Дагестане было значительным. Они имелись у шамхала и его приближенных беков, сала-узденей, должностных лиц, просто узденей и даже у чагар (крепостных. – Авт.)», – утверждал Р.М. Магомедов. Далее он, ссылаясь на архивные данные, приводит сведения «рописи ясырей», из Тарки и Дербента, в которых перечисляются фамилии 16 рабовладельцев (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 181).

Наличие рабов в феодальном Дагестане подтверждается и в более позднее время. Так А. Руновский указывает на чрезвычайное распространение кулов, особенно среди «мелких владельцев», каждый из которых имел одного, двух и более кулов (*Руновский А.*, 1862. С. 48). Однако, не всех кулов можно рассматривать как рабов, – полагает Г.Д. Даниялов. – Дело в том, что по свидетельству ряда авторов, в Аварии и Казикумухе было несколько аулов, населенных исключительно кулами, которые имели постоянную оседлость, обрабатывали ханские земли и отдавали владельцам только часть урожая. «Кулы эти имели и собственные земли» (*Даниялов Г.Д.*, 1970. С. 5), – подчеркивает Г.Д. Даниялов, ссылаясь на С. Эсадзе, в данном случае полагая, что под общим термином «кул» понимались различные группы зависимого населения – от рабов до типичных крепостных. Мы склонны согласиться с авторами монографии «Рабство в странах Востока в средние века...», что вероятно, эту собственность следует рассматривать как разделенную собственность, а не безоговорочно признавать во всех случаях исключительно собственностью кула. На наш взгляд, ближе к истине положение, высказанное М.А. Агларовым о том, что в Дагестане повсеместно и различными путями в XVII – нач. XIX вв. шел процесс изменения социального положения лагов. «Во многих обществах их труд как и труд зависимых крестьян, эксплуатировался на дальних хуторах, которые иногда превращались в самостоятельные поселки лагского (или уже райятского[*От *райят* – крепостной крестьянин]) типа, **но еще без полноты права обладания окрестной территорией на правах собственности**» (*Агларов М.А.*, 1988. С. 142). А в Каратинском обществе лагов лишали права участия в доле на дальних покосах, т.е. они не рассматривались как владельцы общественных земель (*Агларов М.А.*, 1988. С. 142).

Следует заметить, что вне зависимости от численности рабов во всех странах средневекового Востока рабовладельческие отношения накладывали свой отпечаток на все стороны жизни общества. «Общепризнано, – писал И.П. Петрушевский, – широкое развитие рабства в странах Передней и Средней Азии в средние века. Источники свидетельствуют, что рабы использовались не только в качестве домашних слуг, но и в земледелии, скотоводстве, ремесле...» (*Петрушевский И.П.*, 1960. С. 11), в роли пастухов, садовников, которые по-существу, представляли собой модификацию домашних рабов.

Применение рабского труда в сельском хозяйстве Дагестана в изучаемое время не могло быть экономически оправдано. С.Ш. Гаджиева, в своем фундаментальном труде, посвященном изучению истории кумыков, отметила, что даже здесь (на Кумыкской плоскости. – Авт.), где существовали наиболее благоприятные условия для ведения земледельческого хозяйства, чем в горах Дагестана, рабы «представляли собой дворовую прислугу (патриархальное рабство)» и лишь «частично были заняты в сельском хозяйстве» (*Гаджиева С.Ш.*, 2001. С. 116).

Что касается положения домашних рабов в хозяйстве владельца Засулакской Кумыкии, то Д.-М. Шихалиев сообщал: «Холопы, в настоящее время у кумыков находящиеся, исправляют все домашние и полевые работы своих господ, по мере возможности...» (*Шихалиев Д.-М.*, 1993). Однако, это весьма идеализированное свидетельство, мягко говоря, несколько разнится со многими другими свидетельствами современников, писавших о рабстве в феодальном Дагестане (*Лобанов-Ростовский М.Б.*, 1846. С. 59; *Дубровин Н.*, 1871. С. 626).

В Нагорном же Дагестане, где в виду ограниченности возможностей иметь крупные земледельческие хозяйства из-за малочисленности пахотнудобных угодий, труд лагов был нерентабелен. Держать в своем распоряжении рабов могли только экономически мощные хозяйства, т.е. феодализирующаяся общинная верхушка. Основная же масса узденства, за неимением крупных земельных владений или большого поголовья скота, не пользовалась их трудом.

По справедливому выводу М.А. Агларова, «положение лагского сословия в общине в XVIII в и особенно XIX в. резко изменилось» (*Агларов М.А.*, 1988. С. 143). Процесс же этот берет свое начало задолго до указанного времени. Как пишет А.Р. Шихсаидов, в XIV–XV вв. наблюдается характерное явление – отсутствие сведений о продаже рабов в Дагестане, что было связано, по его мнению, с начавшимся процессом наделения рабов землей и переводом их в сферу сельскохозяйственного труда (*Шихсаидов Р.А.*, 1975. С.148). В хронике Махмуда Хиналугского XV в. имеются ценные факты, подтверждающие этот тезис: Байджукум-бек, получив во владение крепость Ахир в Южном Дагестане, возле нее «основал деревню для своих невольников» (*Шихсаидов Р.А.*, 1975. С. 148). Это – достаточно красноречивый пример происхождения многих таких сел в различных регионах Дагестана. Так, например, по свидетельству А. Руновского: «...жители четырех деревень: Кахх, Хинниб, Къуаниб и Тхлянлюб, расположенных недалеко от Хунзаха и с незапамятных времен составлявших собственность аварских ханов», являлись бывшими рабами, посаженными на ханские земли. Аналогичные явления происходили и в Казикумухском ханстве в с. Тулизма, Хулизма, Хосрех и др. (ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 1. Д. 116).

«Семейство холопов, выселяемых из дворовой прислуги» на Кумыкской плоскости, т.е. кулы и караваша, которым предоставлялось, на известных условиях, право пользоваться некоторыми участками господской земли, со временем и составили многочисленную категорию лично и поземельно зависимых крестьян, обязанных на кабальных условиях сеять, косить, убирать хлеб, свозить его к дому владельца. В эту категорию, получившую название чагары, попадали и те домашние рабы, которые были даны в приданое кабардинским князьям, выходящим замуж за кумыкских князей и биев. Их обычно поселяли отдельными кварталами недалеко от владельцев (*Гаджиев С.Ш.*, 2000. С. 202–203; См.: *Алиев Б.Г.*, 2009. С. 148–165).

Посаженные на землю рабы-чагары поначалу ничем не отличались от обыкновенных рабов. Их положение профессор С.В. Юшков сравнивал с положением страдных людей, холопов на пашне феодальной Руси или сервов, посаженных на землю (во Франции и Италии), которые «затем получили некоторую хозяйственную самостоятельность и стали переходить в разряд крестьянства. Это был своего рода серванс на дагестанской почве» (Юшков С.В., 1938. С. 81).

Невольник-ясырь являлся формой собственности, имуществом, наличие которого у того или иного феодала или узденя служило своего рода внешним показателем его состоятельности. Будучи одним из слагаемых или одним из видов имущества, рабы могли выступать как объект купли–продажи и заклада. Наличие же в регионе оживленных невольничьих рынков способствовало предпочтению сбыта лишних «ртов» и «рук», тем более, что цены на «живой товар» были стабильно высоки. Предпочтительный вывоз пленников на внешние рынки был обусловлен тем, что торговля ими была экономически более выгодна, чем внутривладельческое использование ясырей как рабочей силы. Цена же раба или пленника составляла иногда весомую долю стоимости всего имущества среднего достатка, так что торговля «живым товаром» была весьма выгодным предприятием. Другой формой реализации ясырей было получение выкупа с оставшихся на свободе родственников. На невольничьих рынках, а так же за выкуп реализовывалась основная масса пленных. На местах их оставалась весьма незначительная часть и то у богатых феодалов.

Таким образом, предпринятая автором попытка осветить некоторые аспекты социально-правового статуса рабов в феодальном Дагестане не претендует на исчерпывающее решение этого достаточно дискуссионного вопроса. Тем не менее, приведенный выше материал позволяет показать ряд форм бесправного состояния, морального унижения и материального притеснения, характеризующих социально-правовое положение этой категории зависимого населения на общественной лестнице народов феодального Дагестана. Что же касается места и значения института рабства в экономической жизни, то эксплуатация рабского труда не играла сколько-нибудь существенной роли в процессе производства в горском обществе феодального Дагестана. Да и сами возможности использования рабского труда и, следовательно, потребность в нем дагестанского общества были сравнительно невелики. Особенности хозяйственной жизни горцев, а именно: экстенсивное животноводство, скудность пахотных земель требовали небольшого числа рабочих рук, то и потребности горского общества в труде рабов была невелика, что в свою очередь и обуславливало малочисленность к XVIII в. этой категории зависимого населения и специфичность их положения в Дагестане. В хозяйстве Дагестана не существовало специфической рабской сферы труда: труд невольников сочетался с трудом свободных общинников и не составлял основы производства ни в одной из отраслей хозяйства горцев.

Место рабов и удельный вес их труда в общей системе эксплуатации были в целом весьма незначительны. Численность рабов, их удельный вес в обществе, место в производстве были ничтожно малы по сравнению с численностью, удельным весом и местом в общественном производстве различных категорий феодально-зависимых крестьян, вместе взятых. Применение труда рабов, в основном, в непроизводительной сфере только сопутствовало становлению и развитию феодализма и, продолжая существовать в течение столетий, так и не сложилось в уклад.

ЛИТЕРАТУРА

Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношений форм хозяйства, социальных структур и этноса). М.: Наука, 1988.

Адаты даргинских обществ // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7.

Акбиев А. Общественный строй кумыков XVII–XVIII вв. Махачкала, 2000.

Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970.

Алиев Б.Г. Крестьянство Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2009.

Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX – первая половина XX в.). Махачкала, 1967.

Ахмедов Ш.М. Рабство в Дагестане // Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Даг. НЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 287.

Булатова А.Г. Лакцы. Историко-этнографическое исследование (XIX – начало XX вв.). Махачкала, 2000.

Гаджиев Т.В. Государство, общество и право в Дагестане (до второй четверти XIX в.): Дис. д-ра ист. н. М., 2001.

Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историческое прошлое, культура и быт. Махачкала, 2000. Кн. 1.

Гаджимурадова З.М. Этническое самосознание дагестанцев на пороге XXI века (на материале сравнительного исследования этностереотипов старшего и молодого поколения аварцев и кумыков). Махачкала, 2002.

Даниялов Г.Д. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. Махачкала, 1970.

Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1.

Из истории права народов Дагестана / Сост. А.С. Омаров. Махачкала, 1968.

Иноземцева Е.И. Институт рабства в феодальном Дагестане в отечественной историографии // Наука и образование в Чеченской республике: состояние и перспективы развития: Мат-лы Всеросс. научно-практич. конференции, посвященной 10-летию со дня основания КНИИ РАН. Грозный, 2011.

Кавказ. 25 октября 1848. № 43.

Кодекс законов Умму-хана Аварского (Справедливого) // Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. Архивные материалы / Сост., предисловие и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1965.

Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1883. Вып. 2.

Лобанов-Ростовский М.Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы // Кавказ, 1846. № 37.

- Магомедов Д.М.* Социальная структура Дагестана в VII–XIV вв. Махачкала, 1994 // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп.1. Д. 668.
- Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX вв. Махачкала, 1957.
- Магомедов Р.М.* По аулам Дагестана. Махачкала, 1979. Вып. 2.
- Османов Г.Г.* О социальном строе Дагестана в конце XVIII– начале XIX вв. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1960. Т. VII.
- Памятники обычного права Дагестана. XVII–XIX вв. Архивные материалы / Сост., предисловие и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1965.
- Петрушевский И.П.* Применение рабского труда в Иране и сопредельных странах в позднее средневековье (к проблеме рабовладельческого уклада в феодальных обществах Передней и Средней Азии). XXV Международный конгресс востоковедов. М., 1960.
- Рабство в странах Востока в средние века: Сб. статей. М.: Наука. Главная ред. Восточная литература, 1986.
- Руновский А.* Взгляд на сословные права и на взаимные отношения сословий в Дагестане // Военный сборник. 1862. № 8. Т. 26.
- Сборник адатов Кайтага и Табасарана // Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. Архивные материалы / Сост., предисловие и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1965.
- Сборник адатов селений Аварского округа // Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. Архивные материалы / Сост., предисловие и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1965.
- Фроянов И.Я.* О рабстве в Киевской Руси // Вестник ЛГУ. Т. 12. Вып. 1. 1965 г.
- ЦГА РД. Ф. 120. Оп. 2. Д. 71а.
- ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11б.
- Шихалиев Д.-М.* Рассказ кумыка о кумыках / Сост., предисл. и коммент. д-ра ист. н. С.Ш. Гаджиевой. Махачкала, 1993.
- Шихсаидов Р.А.* Дагестан в X–XIV вв. Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала, 1975.
- Юшков С.В.* К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // УЗ Свердловского госпединститута. Свердловск, 1938. Вып. 1 (Исторический).